

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ КАК КОММЕНТАРИЙ К БИБЛЕЙСКОМУ ТЕКСТУ

Информация об авторе: Александр Шамильевич Гумеров, старший преподаватель, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Новокузнецкая ул., д. 23 Б, 115184 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3335-1141>

E-mail: a_gumerov@mail.ru

Аннотация: Православное богослужение активно использует библейский текст, который не просто звучит в храме, но и толкуется и комментируется через богослужебные тексты. Особый интерес представляют богослужебные тексты праздников, посвященных событиям евангельской истории. В таких случаях отрывок евангельского текста, повествующий об этих событиях, неоднократно звучит за праздничным богослужением, а гимнографические тексты не только поэтически перелагают его, но и объясняют его глубинный смысл. На примере богослужения праздника Сретения Господня, посвященного встрече Младенца Христа со старцем Симеоном (Лк 2:22–39), в статье приводятся образцы использования в богослужебных текстах всех основных принципов византийской экзегезы — исторического комментария, аллегорезы и типологических приемов.

Кроме того, в статье рассматриваются уникальные возможности осмысления библейского текста (а в частности, событий евангельской истории), которые открывает богослужебная традиция. Важнейшей особенностью восприятия и осмысления событий, описанных в Евангелии, в пространстве православного богослужения является «воспоминание» этих событий. При этом богослужебное «воспоминание» — это не мысленное возвращение к минувшему, а реальное переживание произошедших событий. События, о которых говорит библейский текст, для участников богослужения актуализируются. Празднуемые события осмысливаются как происходящие здесь и сейчас. Подход православного богослужения стремится к тому, чтобы стереть грань между участником богослужения и событиями, описанными в евангельском тексте. Богослужение помещает молящегося в одну плоскость с евангельскими персонажами. Это отношение православного богослужения к библейскому тексту можно воспринимать, как особый уникальный способ комментирования текста.

Ключевые слова: богослужение, экзегетика, Библия, литургия, праздник Сретения, типология, аллегория, воспоминание.

© 2024. Alexander Sh. Gumerov

ORTHODOX CHURCH SERVICE AS A COMMENTARY TO THE BIBLICAL TEXT

Information about the author: Aleksandr Sh. Gumerov, Assistant Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities (STOU), Novokuznetskaya 23 b, 115184 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3335-1141>

E-mail: a_gumerov@mail.ru

Abstract: The Orthodox church actively uses the Biblical text during services, not only reading it but also interpreting and explaining it through liturgical texts. Feast days celebrating events of the Evangelical history are of particular interest, as in such cases a fragment of the Evangelical text is repeatedly read during the service; and the text of the hymns not only retells the event in verses but also explains its deep meaning. The article examines how the main principles of Byzantine exegesis (such as historical commentary, allegorism, and typological methods) are used in liturgical texts, by the example of the celebration of the Presentation of Jesus in the temple, dedicated to the meeting of the Infant Jesus and Simeon (Luke: 2:22–39). It also considers the unique possibilities of understanding Biblical texts (especially Evangelical narratives) afforded by the liturgical tradition. The main peculiarity in the reception and understanding of the events described in the New Testament during the service is the “recollection”. The liturgical “recollection” is not a mental reenactment of the past, but a real emotional experience. For those who take part in the service, Biblical facts become actual, and the events they celebrate are perceived as something happening here and now. The Orthodox service seeks to blur the line between participants to the service and the events told in the Evangelical text, putting the worshipper in one place with the Evangelical characters. The attitude of the Orthodox service towards the Bible text can be seen as a unique method of commentary.

Keywords: church service, exegesis, Bible, liturgy, Presentation of Jesus in the Temple, typology, allegory, recollection.

Что такое православное богослужение

Богослужение православной Церкви представляет собой сложный комплекс внешних действий (обрядов), а также чтения и пения богослужебных текстов. Богослужебные тексты — большой и постоянно пополняемый корпус произведений гимнографических жанров. Среди текстов, которые звучат на православном богослужении, значительную часть составляют собственно библейские тексты, как дохристианские (это, прежде всего, книга Псалтырь — сборник ветхозаветной поэзии), так и новозаветные¹. Кроме того, за богослужением звучат гимнографические произведения, которые созданы в разные эпохи и продолжают создаваться и теперь.

Значительная часть православного богослужения так или иначе связана с календарем. Существует определенный набор богослужений, который устав церкви предписывает совершать на каждый день.

¹ Псалтырь целыми псалмами и отдельными отрывками звучит на каждом православном богослужении. Отрывки из Нового Завета положено читать за каждой Литургией и всенощным бдением (богослужение великих праздников). Значительные по объему отрывки различных ветхозаветных книг (паремии) нередко читаются на вечерни и в особых случаях на службе часов. Кроме того, за богослужением часто звучат небольшие отрывки библейских текстов (например, так называемые «библейские песни»).

При этом по своему замыслу каждое из этих богослужений относится к определенному времени суток — и дня, и ночи². Определенные богослужебные тексты неизменно исполняются на каждом из этих богослужений³, а также их дополняют многочисленные молитвословия, изменяемые в зависимости от дня недели, или дня года⁴. Из-за этих изменяемых частей каждое богослужение в году уникально⁵.

Особенностью православного календаря является то, что каждый день недели и года посвящен воспоминанию о каком-нибудь событии библейской и церковной истории или чествованию какого-нибудь определенного святого. Логично, что каждое воскресенье согласно церковному календарю посвящено празднованию воскресения из мертвых Иисуса Христа. В пятницу в богослужении вспоминается распятие и крестная смерть на Голгофе. Подобные богослужебные темы соответствуют каждому из дней недели⁶. Особые богослужебные темы можно проследить и по годовому кругу.

Библейский текст в православном богослужении

Нередко богослужение, как в изменяемых, так и неизменяемых своих частях, предлагает толкование и осмысление библейского текста. Наиболее интересны случаи, когда гимнографические богослужебные тексты используют библейские тексты, звучащие на том же богослужении. В таком случае гимнографический текст напрямую комментирует, объясняет и актуализирует прозвучавший библейский текст.

Можно привести следующие примеры обращения к библейскому тексту в гимнографических произведениях:

Это, во-первых, богослужения праздников, имеющих библейскую основу. Большое количество церковных праздников установлено в воспоминание тех или иных евангельских событий (Рождество, Крещение, Благовещение и многие другие). За богослужением

² Разумеется, в обычной приходской практике это оказывается невыполнимо.

³ Неизменные части суточных богослужений (вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, службы часов) содержатся в книге, называемой Часослов.

⁴ Изменяемые части богослужений содержатся в книгах Октоих, Миней и Триоди.

⁵ Принцип соединений различных изменяемых частей богослужения на каждый день года представлен в книге Типикон в главах 48, 49 и 50. См., например: [Типикон, 1992].

⁶ Основные темы каждого дня недели можно проследить по богослужебным текстам книги Октоих.

этих праздников обязательно читается евангельский отрывок, излагающий события, легшие в основу данного праздника, а гимнографические тексты предлагают осмысление этого праздничного события⁷.

Во-вторых, это богослужения, зависящие от лекционария. Лекционарий — это распределение отрывков из Библии (преимущественно, из Нового завета) для чтения за богослужением в каждый день церковного года. Так, например, за основной церковной службой — литургией — текст всех четырех Евангелий прочитывается в течение года, от праздника Пасхи до следующей Пасхи, начиная с Евангелия от Иоанна. Таким образом, в воскресенье Пасхального периода⁸ за литургией читается определенный отрывок Евангелия от Иоанна, который напрямую не связан с темой воскресения Христа, но который находит свое осмысление в различных гимнографических произведениях, звучащих в этот день. Так, в третье воскресенье от Пасхи в храме читается евангельский отрывок об исцелении расслабленного, и эта же тема появляется во многих песнопениях этого дня. То же отношение читаемого за литургией евангельского текста и тем, поднимаемых в богослужении этого дня, можно проследить в четвертое и в пятое воскресенье после Пасхи, а также в течение трех воскресений, предшествующих великому посту.

Стоит отметить, что лекционарий менялся со временем, и в некоторых случаях можно проследить, как гимнографические тексты используют и объясняют евангельские тексты, которые некогда в древности читались в этот день, но в современной богослужебной практике были заменены на другие. Так, во второе воскресенье великого поста богослужебной темой звучит притча о блудном сыне (в современной богослужебной практике этот евангельский отрывок читается за неделю до поста), в четвертое воскресенье поста в богослужении активно используется сюжет притчи о милосердном самарянине, а в пятое воскресенье — притчи о богаче и Лазаре (хотя в современной практике в эти дни за богослужением читаются совсем другие отрывки).

⁷ Тут необходимо отметить, что слово «праздник» здесь употребляется в значении более широком, чем привычное. Раздел литургики (науки, изучающей богослужение), называемый эртология, исследует не только «праздники» в их бытовом понимании, но и все календарные даты, посвященные тем или иным сакральным воспоминанием. В этом смысле, день страстной седмицы — Великая пятница, как воспоминание страстей Христовых, также нередко в литургии называется праздником. О литургическом понимании праздника см.: [Киприан, 2002].

⁸ Празднование праздника Пасхи согласно православному календарю длится 39 дней. То есть на этот период приходится пять воскресений, не считая самой Пасхи.

И, наконец, многие **богослужебные тексты толкуют и интерпретируют различные библейские сюжеты**, не читающиеся за данным богослужением. Так, например, известное гимнографическое произведение — великий покаянный канон Андрея Критского — целиком представляет собой осмысление, порой весьма неожиданное, различных сперва ветхозаветных, а потом и новозаветных сюжетов и образов.

Типы церковной интерпретации библейского текста

В христианской традиции всегда существовало представление о необходимости комментирования и особой интерпретации библейского текста. Новый завет содержит немало примеров интерпретации предшествующих ему ветхозаветных текстов. Позднее христианские экзегеты продолжили эту традицию уже по отношению не только к ветхозаветному тексту, но и к самому новозаветному, сформулировав несколько возможных подходов к толкованию библейского текста.

Первый и самый очевидный подход христианских экзегетов к комментированию библейского текста — это **исторический**. Автор такого комментария восстанавливает исторический и культурный контекст тех или иных событий, описанных в Библии, дает историческое пояснение реалий, упомянутых в библейском рассказе. Например, следуя историческому подходу, экзегет в связи с упоминанием в Евангелии праздника пасхи может привести историю установления этого праздника в книге Исход или упомянуть об особенностях празднования пасхи во времена земной жизни Иисуса Христа.

Гораздо интересней весьма распространенный среди толкователей библейского текста античного и византийского периода **аллегорический** подход. В библейском рассказе в целом и в конкретных его деталях комментатор видит иносказательное описание определенных реалий духовной и нравственной жизни человека или указание на реалии жизни церкви, современной толкователю. При таком подходе, например, рассказ о ветхозаветной пасхе и исходе евреев из Египта воспринимается как аллегория христианского таинства крещения⁹ и подтверждение этому толкователь может видеть в параллелях между подробностями исторического повествования и отдельными деталями обряда.

Современному читателю такой подход к объяснению текста может показаться искусственным и странным. Но, чтобы понять, почему та-

⁹ Такую интерпретацию можно найти, например, в самой Библии — в посланиях апостола Павла (1 Кор 10:1–2).

кой метод комментирования был широко употребим в течение многих столетий, следует вспомнить, что в Библии есть немало текстов, предполагающих именно аллегорическое понимание. Например, в притче о сеятеле (Мф 13:3–9) основным способом комментирования будет не исторический подход (рассказывающий о проведении посевных работ в Палестине первого столетия от Рождества Христова), а раскрытие аллегорических образов, встречающихся в этом сюжете (птицы, клюющие зерно — дьявол, сорняки — мирские заботы, иссушающее солнце — гонения и испытания веры и т.д.). Собственно, именно такое объяснение и дается этому сюжету в самом Евангелии. Сторонники аллегорического толкования просто распространяют этот подход на весь библейский текст.

Как частные примеры аллегорического толкования можно привести анагогический подход, когда через иносказательные образы раскрываются реалии грядущего Божьего Царства и вечной жизни; а также тропологический, когда иносказание используется для уяснения нравственных истин¹⁰.

Третий распространенный в византийской экзегезе подход к пониманию и комментированию библейского текста — **типологический**. При типологическом подходе многие ветхозаветные события воспринимаются как прообраз (то есть, изображение или тень) евангельских событий и жизни Иисуса Христа. Так, в обрядах совершения пасхи, например, в том, что пасхального ягненка надлежало есть, не разламывая его костей, еще евангелист Иоанн видит образ Иисуса Христа, которому при завершении распятия не перебивают костей голеней. Агнцем — жертвенным животным — Иисуса в Новом Завете называет также и Иоанн Креститель (Ин 1:29), и апостол Павел: «Пасха (то есть, пасхальный агнец — А.Г.) наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор 5:7).

Логика, позволяющая интерпретировать библейский текст таким образом, следующая. Еще апостол Павел воспринимает Ветхий завет как тень или отражение завета Нового (см.: Кол 2:16–17 и Евр 10:1). В восприятии толкователя евангельские события и личность самого Иисуса Христа оказываются настолько масштабными, что «отбрасывают тень», накладывая свой отпечаток не только на последующую историю, но и на предыдущую. То, что в последующей христианской истории в некоторых событиях и личностях можно увидеть образ Евангелия и самого Христа, очевидно. И такое «изображение» Христа

¹⁰ Несмотря на то, что упомянутые «небуквальные типы толкований» отвечают парадигме аллегорезы — замещению буквального смысла духовным — нередко в схоластической традиции они рассматриваются как особые виды экзегезы (см.: [Православная энциклопедия, 2001, с. 28–29]).

не всегда осознанное. В понимании экзегетов, личность Христа отражается не только в будущих событиях, но и в событиях Ветхого завета. Нужно только уметь эти отражения, эти тени отыскать. Поиском таких образов Христа в Ветхом завете и занимается типологический подход.

Все эти возможные подходы к библейским текстам, характерные для византийских экзегетических комментариев, можно проследить и по гимнографическим произведениям, осмысляющим библейскую тематику.

*Толкование библейского текста
на примере богослужения праздника
Сретения Господня*

Для примера я рассмотрю богослужение праздника Сретения, которые празднуется на сороковой день после Рождества — то есть, 2 февраля по юлианскому календарю¹¹. Этот праздник установлен в воспоминание событий, описанных в Евангелии от Луки (Лк 2:22–39). Иосиф и Дева Мария принесли сорокадневного младенца Иисуса в Иерусалимский храм для совершения положенных обрядов. По Моисееву Закону, каждого мальчика, первенца у своей матери («разверзающего ложесна»), надлежало посвятить Богу и принести за него в храме положенную жертву. В тот момент в храм по божественному вдохновению приходит один человек по имени Симеон. Евангелие сообщает о нём, что «ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа». Взяв Младенца на руки, он возносит молитву: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, потому что видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов...» Кроме того, он предсказывает о Младенце Иисусе, что тот сделается предметом пререканий, а Деве Марии говорит, что ей самой оружие пройдет душу, предсказывая тем самым, что она будет свидетельницей страданий своего Сына. Праздник называется по-славянски Сретение, то есть «встреча», потому что это событие воспринимается церковным сознанием, как встреча нового и ветхого заветов. (Кстати, само название предлагает определенную интерпретацию евангельских событий.)

Евангельский текст, описывающий это событие, за богослужением праздника читается дважды: во-первых, на службе, совершаемой на-

¹¹ 15 февраля по новому стилю.

кануне праздника (так называемом всенощном бдении) и в сам день праздника на литургии. Кроме того, отрывок из этого евангельского рассказа — молитва праведного Симеона — звучит на каждом вечернем богослужении, и в том числе и накануне этого праздника.

Авторы гимнографических текстов, звучащих за богослужением в этот праздник — замечательные византийские поэты Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 753), Андрей Критский (ок. 660–740), Косма Маиумский (VIII в.), Герман, патриарх Константинопольский (VII век — 740).

Примером исторического комментария к евангельскому рассказу о встрече младенца Христа и праведного Симеона в богослужении праздника Сретения можно назвать чтение нескольких ветхозаветных отрывков, которые звучат на богослужении, совершаемом накануне праздника — всенощном бдении¹². Читается отрывок из книги Исход, где описывается, как Бог повелел Моисею посвящать Ему всех первенцев в Израиле от человека до скота. В этом же отрывке объясняется смысл этого установления — для всех поколений израильтян это должно служить напоминанием о той ночи, когда Господь сохранил первенцев еврейских, тогда как египетские первенцы погибли. Далее читается отрывок из книги Левит, где говорится о том, что мать, родившая сына, должна на сороковой день принести в храме положенную жертву очищения — двух молодых голубей или двух горлиц (о завершении «дней очищения» упоминает и евангельский текст (Лк 2:22)). И, наконец, читается отрывок из книги Левит, где Господь говорит, что вместо всех первенцев израильских избирает Себе для служения в храме всех потомков колена Левия — левитов¹³. Последний исторический комментарий кажется особенно ценным, так как он объясняет, почему посвященный Богу младенец не остается при храме — на храмовое служение вместо первенцев по повелению Бога назначаются левиты. Эти отрывки восстанавливают необходимый исторический контекст и позволяют людям, присутствующим на богослужении праздника Сретения, понять, для чего Дева Мария и Иосиф принесли Младенца Христа тогда в Иерусалимский храм.

Но гимнографам — авторам других богослужебных текстов праздника — исторический подход кажется недостаточно интересным; этот тип осмысления евангельского текста мало подходит для поэзии. Однако в песнопениях вспоминаются и евангельская канва, и ветхозаветные постановления, побудившие святое семейство прийти тогда в храм. Кроме того, при изложении событий праздника гимнографы

¹² Такие чтения отрывков из Ветхого Завета на всенощном бдении называются паремиями.

¹³ Все три отрывка объединены в одну паремию.

руководствуются не только каноническим евангельским текстом, но и апокрифами. Гимнограф Косма Маиумский дважды называет праведного Симеона священником [Миня, 1981, с. 28]. Этого не сообщается в Евангелии от Луки, но упоминается в Протоевангелии Иакова [Апокрифы, 1989, с. 127], христианском апокрифе второй половины II века.

Аллегорическим подходом в своем осмыслении евангельских событий в богослужении праздника Сретения пользуется известный гимнограф Андрей Критский. Еще по его великопостному покаянному канону видно, что аллегореза — любимый поэтический прием этого автора. В одном из своих песнопений к празднику он сравнивает двух горлиц, которых Иосиф приносит как жертву Богу, а значит и самому Младенцу Иисусу, с двумя народами, составляющими Церковь — израильтянами и «от язычников новоизбранными людьми», а двух голубиных птенцов Христос принимает как Основатель Ветхого и Нового Заветов [Миня, 1981, с. 28–29].

Но для авторов богослужебных тестов особое значение имеет, конечно, не аллегорическое объяснение второстепенных подробностей, а личность Иисуса Христа, к кому и обращены эти молитвословия. Понимание праздника строится на осмыслении личности Иисуса Христа. Часто это осмысление строится на парадоксальных противопоставлениях.

«Ветхий денми» (в христианской традиции одно из именовании Сына Божия [Православная энциклопедия, 2004, с. 54–55]) становится Младенцем, и над святым и чистейшим Богом совершаются обряды посвящения и очищения.

Младенствуеши мене ради, Ветхий деньми, чищением приобщаешься, Чистейший Боже... [Миня, 1981, с. 29] Становишься младенцем ради меня, Ветхий денми, и приобщаешься обрядам очищения, чистейший Бог...

Тот, Кто дал Моисею закон о посвящении первенцев, Сам как человек подчиняется этому закону.

Приими, Симеоне, Егоже под мраком Моисей **законополагающа** провиде в Синаи, Младенца бывша, **закону повинующася...** [Там же, с. 23] Прими на руки, Симеон, Законодателя, Которого прозревал Моисей во мраке на Синае, ставшего Младенцем и повинующегося Закону¹⁴.

¹⁴ Здесь и далее в работе используется русский перевод богослужения, выполненный иеромонахом Амвросием (Тимротом) [Переводы богослужебных книг].

Предвечное Слово Бога, носимое на небесных престолах, принимается как младенец на руки старца Симеона.

Неописанное Слово и Пресущное, **Небесными престолами носимое** со славою, **приемлет на руки** Симеон, вопия: ныне отпусти мя, по глаголу Твоему, Спасе, верных спасение и наслаждение [Там же, с. 22].

Слово, беспредельное и сверхсущественное Небесными Престолами носимое со славою принимает во объятия Симеон, взывая: «Ныне отпусти меня, по слову Твоему, Спаситель, верных спасение и наслаждение!»

Не старец Симеон держит младенца Христа, но Сам Младенец (как Вседержитель) держит его. Ведь это старец просит у Младенца, чтобы Тот его отпустил.

Не старец Мене **держит**, но Аз **держу** его: той бо от Мене отпущения просит [Там же, с. 34].

Не старец Меня держит, но Я **держу** его: ибо он у Меня отпущения просит.

Принимая на руки саму Жизнь (Жизнодавца) старец Симеон просит освободить его от этой временной жизни.

Живот же носяй **живота** прошаше разрешения.

Он (Симеон — А.Г.), Жизнь неся, просил от жизни земной освобождения.

Особенное емко и красиво эти противопоставления, встречающиеся в различных богослужебных текстах, собраны в одном песнопении, написанном Космой Маиумским:

Носимаго на колеснице Херувимстей и певаемого в песнях Серафимских носящи на руку Богородица Мария, неискусобратно из Нея воплощагося, Законодавца, закона исполняюща чин, подаяше рукам старца иерея. Живот же носяй живота прошаше разрешения, глаголя: Владыко, ныне отпусти мя возвестити Адаму, яко видех непреложна Отроча, Бога Превечнаго и Спаса мира [Там же, с. 28].

Носимого на колесницах Херувимских и воспеваемого в песнях Серафимов, Установившего Закон и исполняющего устав Закона, неся в объятиях Богородица Мария, без искуса брачного воплотившегося от Нее, давала на руки старцу-священнику. И он, Жизнь неся, просил от жизни земной освобождения, возглашая: «Владыка, ныне отпусти меня возвестить Адаму, что увидел я неизменного Младенца, Бога Предвечного и Спасителя мира!»

В этом песнопении внимание привлекает и интересная форма. Автор использует при стихосложении принцип параллелизма, характерного для ветхозаветной поэзии, который иногда называют «рифмой смыслов».

Конечно, гимнографы не могли оставить без внимания прообразы этого события в Ветхом завете. Примеры типологического толкования евангельского рассказа о Сретении можно найти во многих песнопениях этого праздника.

Во-первых, в самом обряде посвящения Богу первенцев видится образ предвечного рождения Сына от Бога-Отца.

В законе сени и писаний образ видим, вернии, всяк мужеский пол, ложесна разверзая, свят Богу. Тем перворожденное Слово Отца безначальна, Сына первородящая Материю неискусомужно, величаем [Там же, с. 34].	В тени и букве Закона мы, верные, усматриваем образ: всякое существо мужского пола, разверзающее утробу матери, посвящено Богу; потому перворожденное Слово, Сына Отца безначального, перворождаемого не знавшей мужа Матерью, мы величаем.
---	---

Этот закон как бы установлен для того, чтобы когда-нибудь совершиться над Тем, кто един Свят и еще прежде бытия мира является первородным Сыном.

Еще один пример типологического толкования можно найти во втором ветхозаветном отрывке, который читается за вечерним богослужением. Если первый отрывок, как мы говорили, повествует об истории установления обрядов, ради которых младенца Христа принесли в храм, то связь второго отрывка с празднуемым событием на первый взгляд не очевидна. Этот отрывок рассказывает о призвании на пророческое служение пророка Исаии (Ис 6:1-12). Будущий пророк видит в храме на престоле Бога, окруженного небесными силами, и приходит в трепет и ужас. Тогда один из предстоящих Божьему престолу шестокрылых серафимов, взяв клещами раскаленный уголь, прикасается им устам Исаии. После этого, в ответ на вопрос Бога: «Кого Мне послать? И кто пойдет к народу сему?», Исаия с готовностью откликается: «Вот я, пошли меня!». И Бог посылает его на проповедь.

Это же видение вспоминается и в одном из песнопений праздника Сретения:

Яко виде Исаия образно на престоле превознесена Бога, от Ангел славы доиносима, о, окаянный, — вопиаше, — аз: провидех бо воплощаема Бога, Света Невечерня и мира владычествующа [Там же, с. 32].

Когда Исаия увидел в прообразе превознесенного на престоле Бога, окружаемого Ангелами славы, он взывал: «О, я несчастный! Ведь предвидел я воплощаемого Бога, светом немеркнущим и миром владычествующего»

Но описанный здесь прообраз еще интересней и неожиданней. Образом боговоплощения является сам уголь, который принимает пророк. Раскаленный уголь — это физическое вещество, материя, пронизанная невещественным огнем. Христианская экзегеза воспринимает его как яркий образ соединения во Христе человечества и Божества. Праведный Симеон принимает на руки богомладенца Христа, как некогда пророка Исаии касается раскаленный уголь:

«Очищается Исаия, от Серафима уголь прием, — старец вопиаше Богоматери, — Ты, якоже клещами, руками просвещаеши мя, подавши, Егоже носиши».

«Огонь, — рече, — носиши, Чистая: Младенца боюся объяти Бога, Света Невечерняго и миром владычествующа» [Там же].

«Очищается Исаия, от Серафима уголь приняв, — взывал старец к Богоматери, — Ты же просвещаешь меня, руками, как клещами подав мне Тобой Носимого».

«Огонь несешь Ты, Чистая; страшусь принять в объятия Младенца — Бога, светом немеркнущим и миром владычествующего»

Гимнографическая форма дает возможность в едином поэтическом пространстве использовать образную систему сразу нескольких библейских цитат — и евангельской, и ветхозаветной историй. Прикоснувшийся к божественному углю Исаия посылается пророчествовать народу, праведный Симеон также, приняв в свои объятия «уголь» — младенца Христа, начинает пророчествовать: предсказывает страдания Христа и материнские страдания Богородицы.

В христианской экзегетике уголь, которым были очищены уста пророка Исаии, толкуется как образ причастия. Эта мысль звучит неоднократно в молитвах перед причащением (например, «уголь Тела Твоего да будет мне, помраченному, в просвещение» [Молитвослов, 2000, с. 175]). В греческой традиции ложечка, которой подается причастие, называется *λαβίς*, то есть «клещи». Слова, которые серафим обращает к Исаии после того, как коснулся углем его уст, повторяет про себя священник после причастия: «Се прикоснуся устам моим, и огимет беззакония моя и грехи моя очистит».

Параллель между Сретением и причастием можно проследить и в богослужении праздника. Обращаясь к Богородице как к «таинственным клещам, носящим уголь», то есть Христа, гимнограф вопрошает Её: «как Ты питаешь Питающего всех?» [Миняя, 1981, с. 34] Питающего, вероятно, Своими телом и кровью.

На этом я остановлюсь в своем разборе толкований и интерпретаций евангельского текста, которые можно найти в богослужебных текстах праздника Сретение. Еще раз напомню, что пример этого праздника я выбрал совершенно случайным образом. Не менее интересные примеры комментирования и интерпретации библейского текста, основанного также на описанных здесь принципах, можно найти во всех богослужениях, опирающихся на библейский текст.

Осмысление через погружение

Из приведенного выше разбора богослужебных текстов видно, что при осмыслении библейских текстов гимнографы пользуются всеми методами и традициями византийской экзегезы. Это и исторический комментарий, и аллегорический, и типологический метод. Кроме того, особенность поэтической формы гимнографических текстов открывает авторам возможности новых приемов осмысления библейских текстов. Нередко используется параллелизм, который дает возможности делать парадоксальные и неожиданные противопоставления, а использование в одном поэтическом произведении образной системы сразу нескольких библейских цитат позволяет открывать неожиданные типологические сопоставления. При раскрытии всего многообразия смыслов библейского текста в центре внимания гимнографов оказывается личность Иисуса Христа. Вся библейская история — как новозаветная, так и ветхозаветная — осмысляется через эту Личность.

Однако необходимо отметить еще одну особенность осмысления событий, описанных в евангельском тексте авторами-гимнографами. Практически все богослужебные тексты воспринимают евангельские события как совершающиеся здесь и сейчас. Особенно ярко это выражают слова «днесь» (то есть, сейчас или сегодня) и «ныне», которые часто встречаются в богослужебных текстах. Не исключение здесь и богослужение праздника Сретение: «Днесь Симеон на руки Господа славы подъемлет...» [Миняя, 1981, с. 27], «Днесь Симеон старец во храм входит, радуясь духом...» [Там же]

На горе Синайстей древле виде Моисей задняя Божия, и тонкий Божественный глас сподобися во мраке же и вихре слышати. **Ныне** же Симеон воплощенного Бога непреложне нас ради на руки прият... [Там же, с. 31]

В древности на горе Синай Моисей увидел Бога сзади¹⁵ и удостоился неясно слышать Божественный глас во мраке и буре; ныне же Симеон принял во объятия ради нас неизменно воплотившегося Бога

Подобное восприятие событий евангельской истории можно проследить по богослужению любого праздника. Богослужение вводит присутствующих в храм в пространство событий, описанных в евангельском тексте. И молящиеся становятся не просто зрителями этих событий, но и непосредственными действующими лицами. Участники богослужения напрямую обращаются к жившим в древности участникам евангельской истории: «Богоносец Симеон, приди и возьми на руки Христа, Которого родила Дева Чистая Мария». «О дочь Фануилова (то есть, Анна-пророчица — А.Г.), приди, стань с нами и благодари Христа Спасителя, Сына Божия» [Минея, 1981, с. 34]. При этом молитва старца Симеона «Ныне отпускаеши...» возносится в храме, как молитва всех прихожан.

Этот принцип отношений богослужения и евангельских событий задается самим евангельским текстом. Основное христианское богослужение — Литургия рождается из евангельских событий — Тайной вечери. Согласно евангельскому рассказу, Иисус Христос, установив накануне своих страданий это таинство, повелел: «сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22:19). При этом воспоминание, о котором здесь говорится — это не мысленное возвращение к минувшему, а реальное переживание произошедших событий.

«На библейском языке слово “воспоминание” (греч. ἀνάμνησις) означает нечто большее, чем воспроизведение в памяти минувшего. Свидетельством того является история вдовы из Сарепты Сидонской и ее сына, которых посетил пророк Илия (3 Цар 17:8–24). “Ты пришёл ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего” (3 Цар 17:18) — сказала она Илию, когда ее сын преставился Богу. Из этого видно, что она объясняла смерть сына как наказание ей за её грехи в прошлом, которые восстановил перед Богом святой муж своим посещением её дома. <...> Заметим, что воспоминание как объективное восстановление сущности того, что имело место в прошлом, в представлении евреев, однако, не ограничивалось сферой греха и наказания за него. Оно распространялось также на область добродетели и награды» [Алексеев, 2016, с. 94]¹⁶.

¹⁵ См.: Исх 33:21–23.

¹⁶ В статье автор ссылается на книгу прот. Генриха Папроцкого «Mysterium eucharystii».

Так, в момент литургии, когда молитвенно вспоминается, как Иисус Христос подал своим апостолам хлеб и вино со словами: «сие есть Тело Мое... сия есть Кровь Моя», священник читает молитву: «Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая: Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие». Таким образом, в момент литургии «вспоминаются» события, которые с точки зрения молящихся на литургии совершились в прошлом (крестная смерть, погребение, воскресение в мертвых и вознесение на небо Христа), происходят в настоящем (Его пребывание на небесах одесную Бога-Отца) и произойдут в будущем (Его второе пришествие). Все эти события, о которых говорит библейский текст, для участников богослужения актуализируются в одно время. Молящиеся на литургии в момент, когда подходят к евхаристической чаше, исповедуют свою веру, что принимают участие в той самой тайной вечери, на которой Иисус Христос преподавал причастие Своим ученикам. Перед причастием читается молитва: «Вечери Твоя тайные днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...». В ней молящийся просит принять и сделать его участником той самой Тайной вечери.

Это отношение православного богослужения к библейскому тексту можно воспринимать как особый уникальный способ комментирования текста. Ведь смысл комментария состоит в том, чтобы приблизить читателя к пониманию текста, устранить дистанцию между текстом и тем, кто его воспринимает. В этом отношении подход православного богослужения стремится к тому, чтобы вообще стереть грань между участником богослужения и событиями, описанными в евангельском тексте. Богослужения помещает молящегося в одну плоскость с евангельскими персонажами.

Через это погружение в текст Библии и в события, описанные в ней, происходит осознание и осмысление текста. При этом подходе авторы богослужебных текстов считают себя вправе предполагать внутреннюю мотивацию евангельских персонажей, которую напрямую не озвучивает евангельский текст. Можно привести следующий пример, когда гимнографические тексты реконструируют внутренние побуждения евангельских персонажей. Многие богослужебные тексты страстной седмицы объясняют мотивы предательства Иуды корыстолюбием и любовью к деньгам. Между тем евангельский текст не только не акцентирует внимание на этом аспекте личности Искарриота, но даже нигде прямо не говорит, что именно сребролюбие погубило этого апостола. Евангелист Иоанн называет Иуду вором, но говорит об этом без всякой связи с грядущим предательством (Ин 12:6).

Порою богослужение творчески развивает диалоги между библейскими персонажами, влагая им в уста фразы, формулировки, а то и новые мысли, которые не содержит исходный библейский текст. Очень ярко и интересно это представлено в каноне на праздник Благовещения. Евангельский текст содержит лишь краткий диалог между архангелом Гавриилом и Девой Марией о будущем рождении от Нее Сына Божия, в то время как в праздничном каноне этот диалог разворачивается на несколько десятков кратких песнопений-тропарей, чередующихся между собой. Один тропарь — реплика Архангела, следующий тропарь — ответ Богородицы, и так далее.

Еще один подобный пример — канон «О распятии Господнем и на плач Пресвятой Богородицы», написанный Симеоном Метафрастом (вторая половина X века). Автор, эмоционально-надрывно передавая страдания Матери, влагает в уста Богородицы продолжительный плач над телом Божественного Сына. В числе прочего в каноне звучат слова:

Избавляяй болезни, ныне приими Мя с Тобою, Сыне Мой и Боже, да сниду, Владыко, во ад с Тобою и Аз, не остави Мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе сладкаго Моего Света [Триодь постная, 1992, л. 464–467].	Избавляя от муки, ныне возьми Меня с Собою, Сын Мой и Боже, да сойду и Я, Владыка, с Тобой во ад: не оставь Меня одну, ибо уже жить не могу, не видя Тебя, сладкаго Моего Света.
---	--

Этот канон читается в храме на богослужении страстной пятницы перед плащаницей, изображающей Спасителя, положенного во гроб. Очевидно, что молящиеся, повторяя эти слова, должны сопереживать страданиям Девы Марии.

* * *

Исходя из всего вышесказанного, можно попытаться сформулировать цели, которые видели перед собой создатели и составители православного богослужения, когда обращались к осмыслению и комментированию библейского текста. Думается, что, объясняя текст Священного Писания и раскрывая некие скрытые в нем смыслы, церковные гимнографы стремились погрузить тех, кто обращается к их творениям, в реальность библейских событий. Они ставят молящихся в храме в один ряд с персонажами библейского текста и побуждают сопереживать им.

Возможно, в этом и должен состоять основной принцип хорошего комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеюк, 2016 — *Алексеюк А., прот.* Попытка интерпретации понятия «мистерия» в отнесении к Божественной Литургии и к храму // *Elpis*. 2016. Т. 18. С. 93–99. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/4911/5/ELPIS_2016_18_12.pdf (дата обращения: 31.03.2017).

Апокрифы, 1989 — Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. 336 с.

Киприан, 2002 — *Киприан (Жерн), архим.* Литургика: Гимнография и эортология. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2002. 152 с.

Миняя, 1981 — Миняя. М.: Изд-во Московской патриархии, 1981. Т. 6: Февраль. 776 с.

Молитвослов, 2000 — Молитвослов. М.: Троицкое слово, 2000. 464 с.

Переводы богослужебных книг — Переводы богослужебных книг. URL: <https://azbyka.ru/bogosluzhenie/> (дата обращения: 31.03.2017).

Православная энциклопедия, 2001 — *Дронов М., прот.* Аллегорическое толкование // *Православная энциклопедия*. М.: Православная Энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 28–29.

Православная энциклопедия, 2004 — *Квливидзе Н.В.* «Ветхий денми» // *Православная энциклопедия*. М.: Православная Энциклопедия, 2004. Т. 8. С. 54–55.

Типикон, 1992 — Типикон сиречь Устав. СПб.: Редакционное объединение Санкт-Петербург, 1992. 1176 с.

Триодь постная, 1992 — Триодь постная. М.: Изд-во Московской патриархии, 1992. 520 л.